

1-Я БИРМАНСКАЯ КАМПАНИЯ – ЯПОНЦЫ НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ

ВСПОМИНАЕТ БРИГАДИР ДЖОН СМАЙТ

Эта короткая, но крайне важная кампания может быть разделена на две стадии. Первая имела место в декабре 1941 года - феврале 1942 года, когда Бирманская Армия под командованием генерала Томаса Хаттона (Thomas Jacob Hutton, 1890-1981) сражалась под Рангуном и потеряла его и контроль над *Бирманской Дорогой*. В этих боях решилась судьба Бирмы. Вторая стадия охватила период с марта по май включительно, когда остатки Бирманской Армии под командованием генерала [Хэролда Александра](#) (Harold Alexander) вместе китайцами вели успешные арьергардные бои, отступая к границе индийского штата Ассам. Этим удалось предотвратить вторжение [японцев] в Индию до наступления сезона муссонных дождей и дать возможность потрепанным, измотанным, но отважным остаткам Бирманской Армии отступить в Индию. Генерал Александер назвал эту стадию *Бирманской Спасательной Операцией*.

Трудно было найти страну, менее подготовленную к обороне, чем Бирма в 1941 году. При этом Уинстон Черчилль и президент Рузвельт отчетливо понимали важность Бирмы для союзников в целом и для обороны Индии в частности в войне против Японии. С точки зрения стратегии союзников существенное значение имело предоставление помощи Китаю для того, чтобы он мог продолжать борьбу против агрессора и связывать его крупные по численности силы. Через Бирму проходил единственный путь, по которому могло идти снабжение китайских армий и с помощью которого могли поддерживаться в должном состоянии авиабазы американцев в Китае. С точки зрения Индии, пока Бирма оставалась под контролем [британцев], Калькутта и другие крупные промышленные центры северо-востока Индии могли не опасаться атак с воздуха, а ее восточным границам не угрожало вторжение.

Развал гражданской администрации

Отделившись от Индии в апреле 1937 года, Бирма добилась значительных высот в самоуправлении, хотя ее губернатором оставался британец. Сэр Реджиналд Дорман-Смит (Reginald Dorman-Smith, 1899-1977) занял пост губернатора 5 мая 1941 года. Однако осенью этого года У Со (U So, 1900-1948), премьер-министр Бирмы, воспользовался переживаемыми Великобританией трудностями военного времени и начал оказывать на нее давление, требуя предоставления полного самоуправления сразу после войны.

Население Бирмы было лишь в минимальной степени настроено на сопротивление агрессору, особенно такому немилосердному и жестокому, как японцы. В Бирме жило около миллиона индийцев, из которых состояла большая часть портовых рабочих Рангуна. Что касается бирманцев, то фельдмаршал [Уильям Слим](#) (William Slim) в своей книге *От Поражения к Победе/Defeat into Victory (1956)* писал: «Подавляющее большинство не испытывало такого чувства, что это их война, они хотели остаться в стороне от нее. Незначительное меньшинство, по большей части солдаты и чиновники, были в полной мере лояльны по отношению к британцам; примерно такое же число людей – националистически настроенных политиков, остатков [повстанцев 1924 года](#), студентов и некоторых священнослужителей (*pongui* или *pongyi*) - было настроено откровенно враждебно [по отношению к британцам]. Последние были усилены прошедшими подготовку у японцев бирманцами, которые пришли вместе с вторгшимися в страну армиями и примкнувшими к ним многочисленными вооруженными бандитами (*dacoit*), и просто проходимцами, привлеченными перспективой заняться грабежами. По мере

продвижения японцев стало расти дезертирство среди полицейских, служащих и чиновников. Авианалеты на города с их большим числом пострадавших и грандиозными разрушениями, потоки индийских беженцев, которые искали спасения не столько от японцев, сколько от бирманцев, среди которых они жили, – все это способствовало дезинтеграции власти и транспортному коллапсу. Гражданское управление начало рушиться еще до прихода японцев.»

С точки зрения обороны о Бирме не позаботился никто. До 1937 года она была частью Индии, и правительство последней отвечало как за ее оборону, так и за все остальные виды деятельности. Затем, после обретения политической самостоятельности, Бирма стала сама полностью ответственной за свои вооруженные силы. Перемены произошли после начала войны с Германией в 1939 году, когда армия этой страны перешла в подчинение британскому генеральному штабу в Лондоне, но в плане администрирования и финансирования осталась под началом собственного правительства. Неожиданно, в ноябре 1940 года, оперативный контроль [над вооруженными силами страны] был передан только что сформированному Дальневосточному Командованию/Far Eastern Command, находившемуся в Сингапуре, тогда как административная ответственность была поделена между бирманским правительством и Военным Кабинетом в Лондоне. Очевидно, что это было самым неэффективным и нерабочим вариантом, и местные командиры, как и находившееся в Индии командование, стали требовать возвращения Бирмы под индийский контроль. 12 декабря 1941 года, когда казалось, что вторжение японцев произойдет в ближайшее время, Бирма перешла под контроль индийского руководства. Однако 30 числа того же месяца, сразу после начала японского наступления, страна была передана под контроль только что сформированного *Американского, Британского, Голландского и Австралийского Командования на юго-западе Тихого океана – ABDA* с генералом [Арчибалдом Уэйвеллом](#) (Archibald Wavell) во главе и со штабом в Яве. Когда ABDA рассыпалось после вторжения японцев в Голландскую Ост-Индию в марте 1942 года, Бирма снова вернулась под контроль Индии. Трудно было представить себе большую административную неразбериху, чем эта.

В официальной истории войны против Японии можно прочесть следующее: «Возможность нападения на Бирму через ее восточные границы долгое время считалась незначительной. В августе 1940 года Генеральный Штаб подверг пересмотру положение на Дальнем Востоке и пришел к заключению, что, хотя японская оккупация [Сиамы](#) приблизит угрозу воздушной атаки на Бирму, вторжение на бирманскую территорию останется относительно отдаленной угрозой.»

Общая слабость обороны

На территории страны после ее отделения от Индии в 1937 году находились лишь очень малочисленные вооруженные силы. Они состояли из двух британских батальонов, четырех батальонов *Бирманских Стрелков* и еще нескольких частей. Бирманское правительство потребовало увеличить долю бирманцев в вооруженных силах, и это вынудило губернатора Дорман-Смита сформировать два территориальных батальона. Однако это не удовлетворило бирманцев, и вслед за этим были добавлены бирманские роты к батальонам *Бирманских Стрелков*, в которые ранее рекрутировали исключительно китайцев, [качинов](#) и [каренов](#), рассматриваемых как более воинственные национальные группы. Что касается сил, на которые Бирма опиралась в деле поддержания внутренней безопасности и охраны границ, они были представлены Бирманской Военной Полицией, насчитывавшей девять батальонов.

Две регулярные британские части были представлены 1-м Батальоном Глостерширского Полка/Gloucestershire Regiment и 2-м Батальоном Собственной Йоркширской Легкой Пехоты Короля/King's Own Yorkshire Light Infantry. Оба батальона уже отправили в Индию

и в Великобританию часть своих офицеров и прочих военнослужащих, и, как результат, к декабрю 1941 года ни в одном из них не было больше двух рот.

Базировавшаяся в Бирме авиационная группировка, как и в других частях Дальнего Востока, была очень слабой. Когда началась война с Японией, единственной частью *RAF*, находившейся здесь, являлась 67-я Истребительная Эскадрилья, оснащенная примерно 16 самолетами *Буффало/Bufalow*. Аэродромы в пунктах Виктория Пойнт/Victoria Point (ныне *Каутхаунг/Kauthaung* – ВК), Моулмейн (*Moulmein*, ныне *Моламьайн* - ВК), Тавой/Tavoy (также *Dawei* – ВК) и Мергуи/Mergui (также *Myeik*- ВК) имели важное значение для переброски боевых самолетов в Малайю, так как для имевшихся в то время [у британцев] машин расстояние между Рангуном и Сингапуром было слишком большим для перелетов без дозаправки. То есть, они имели стратегическое значение.

Однако генералиссимус [Чан Кайши](#) в апреле 1941 года согласился на то, что авиагруппа из американских добровольцев [[Летающие Тигры/Flying Tigers](#)], сформированная для защиты с воздуха территории Китая, может быть использована для обороны Бирмы, если это понадобится. В июне 1941 года первый контингент американцев прибыл на место, и к ноябрю три эскадрильи истребителей *P-40* расположились на аэродроме в Тоунгоо/Toungoo. Когда появилась угроза вторжения в Бирму в декабре 1941 года, Чан Кайши сдержал свое обещание, и одна эскадрилья *P-40* осталась в Бирме для воздушной обороны Рангуна.

Большая дальность действия и численное превосходство японской авиации были не единственными проблемами, с которыми мы столкнулись. Эффективная работа постов воздушного наблюдения имела первостепенное значение для того, чтобы избежать уничтожения наших самолетов на земле. Однако бирманские аэродромы были расположены так, что это было невозможным: почти все они находились вдоль ориентированной с юга на север линии, проходившей через Мергуи, Моулмейн, Рангун, Тоунгоо, Хехо/Heho и Намсанг/Namsang к Лашио/Lashio. Кроме того, в нашем распоряжении была только одна радиопеленгаторная станция, а только что созданная Служба Воздушного Наблюдения Бирмы/Burma Observer Corps не имела радиостанций и была привязана к местной примитивной и малоэффективной гражданской системе телефонной и телеграфной связи. Это ставило нашу малочисленную авиационную группировку в крайне невыгодное положение.

Когда генерал Уйзвелл на Рождество 1941 года посетил Чункин, Чан Кайши предложил использовать 5-ю и 6-ю китайские армии для обороны Бирмы. Уэйвелл согласился на использование лишь 93-й Дивизии из состава 6-й Армии и перебросил ее в восточную Бирму (ныне штат Шан/Shan – ВК). С его стороны было высказано множество самых различных возражений против использования всех предложенных войск: их нечем было снабжать, у них не было транспорта, и им бы пришлось жить на подножном корму.

К сожалению, китайцы были серьезно оскорблены в связи с этим отказом. Уэйвелл подвергся серьезной критике за то, что не принял их щедрое предложение. По-видимому, его нерешительность в принятии помощи от китайцев основывалась на том предположении, что [оборона Малайи](#) устоит под напором японцев.

Чтобы понять 1-ю Бирманскую кампанию, нужно отдавать себе отчет в том, что [Дюнкерк](#), [Битва за Британию](#), операции против итальянцев в [северной](#) и [восточной](#) Африке и последовавшие за этим падение Сингапура и угроза Бирме растянули ресурсы Британского Содружества до крайности. Не хватало наземных войск, военно-воздушных и военно-морских сил, не было высококвалифицированных офицеров, необходимых в этот критический момент, чтобы руководить ими. В этой связи были сделаны назначения и предприняты или не предприняты действия, которые не имели бы смысла в обычные времена и которые трудно понять студентам, изучающим военную историю. Генерал Том

Хаттон, например, великолепный штабной офицер и храбрый человек, [в другое время] не получил бы под свое командование полевую армию – он и в самом деле стал большой потерей для Индии, уйдя с поста начальника штаба, и невозможно было предугадать, что генерал Уэйвелл, один из выдающихся командующих своего времени, которому определенно был нужен отдых после его грандиозных достижений в северной Африке ([1](#), [2](#)), придется взять на себя значительные командные полномочия, действуя через генерала Хаттона, чтобы контролировать мои операции в джунглях Бирмы, проводимые в 2 000 миль от Явы.

Уинстон Черчилль писал о своих усилиях, предпринимаемых им вплоть до конца февраля 1942 года для того, чтобы убедить правительство Австралии высадить дивизию в Рангуне. В своем письме [премьер-министру] [Джону Кёртину](#) (Джону Curtin) от 20 февраля 1942 года он говорил: «Она может начать высадку в Рангуне примерно 26-27 февраля, что может заполнить брешь и спасти Бирму.» Он также отправил президенту Рузвельту телеграмму касательно этого вопроса, подчеркнув жизненную важность сохранения контроля над [Бирманской Дорогой](#) и наземного контакта с Китаем. Уэйвелл, независимо от него, обратился с подобным предложением и пошел дальше, попросив об отправке в Бирму целого австралийского корпуса.

4 декабря 1941 года Уэйвелл приказал мне взять под свое начало 17-ю Дивизию. Я был вызван в Дели на собеседование с ним в воскресенье, 28 декабря, где он проинформировал меня о том, что отправил своего начальника штаба, генерала Хаттона, в Бирму для организации отпора японской агрессии и принятия под свое командование Бирманской Армии. Я должен был вести боевые действия с использованием всех тех сил, которые будут переданы под мое начало, включая одну оставшуюся бригаду 17-й Дивизии – 46-ю, поскольку две другие были потеряны после поражения в Малайе. Хотя я восхищался Уэйвеллом как командующим и как человеком, меня удивило то, что он не видел нависшей уже в ближайшее время угрозы над Бирмой – такое же впечатление сложилось у бригадира Хенри *Тэффи Дэвиса* (Henry Taffey Davis, 1898-1975), с которым он провел собеседование несколько днями ранее, перед тем как тот отправился в Бирму, чтобы занять пост штабного бригадного генерала Бирманской Армии.

Презрительное отношение Уэйвела к противнику

Давно сложившееся у Уэйвелла презрительное отношение к японскому солдату было тем, от чего он так и не отошел вплоть до падения Рангуна. Меня также поразило то, что он рассматривал оказавшиеся в нашем распоряжении недавно сформированные индийские части, совершенно необученные и не оснащенные для войны в джунглях, как эквивалентные тем великолепным 4-й и 5-й индийским дивизиям, которые были у него в подчинении в северной Африке. Думаю, этим можно объяснить то, что Уэйвелл не видел причин, по которым наши собиравшиеся выступить в поход неподготовленные индийские и бирманские войска не могут остановить мобильные и превосходно обученные японские дивизии на дальних границах Бирмы. Через несколько дней Уэйвелл получил приказ передать свой пост в Индии другому офицеру и принять на себя командование всеми союзными войсками в Юго-Восточной Азии. Он взвалил на себя этот колоссальный и неподъемный груз с присущей ему флегматичностью, просто отметив перед отбытием в Яву: «Я слышал, что придется держать на руках ребенка, но это двойняшки!»

Согласно японским планам по захвату территорий, называемых ими *Южным Регионом*, первоначальной задачей их 15-й Армии, состоявшей из 33-й и 55-й дивизий и поддерживаемой 10-й Воздушной Бригадой, была оккупация Таиланда, включая [перешеек Кра/Кра](#) вплоть до Накхона/Nakhon. После этого она должна была захватить британские аэродромы в Тенассерине/Tenasserin и прикрыть правый фланг и тыл 25-й Армии, наступающей в Малайе. Затем, когда развитие событий в Малайе пойдет по плану, 15-я армия должна будет вторгнуться в Бирму по направлению Рахенг/Raheng – Моулмейн,

прежде всего нацеливаясь на Рангун. 15-я Армия, которой была также подчинена Императорская Гвардейская Дивизия, вступила в Бангкок 8 декабря 1941 года и стала хозяином Таиланда с его аэродромами, железными дорогами и плацдармами для вторжения в Бирму. 16 января японский батальон занял пункт Виктория Пойнт на юге Бирмы, не встретив сопротивления: британский гарнизон заблаговременно оставил его.

23 декабря имел место первый авианалет на Рангун, второй произошел в день Рождества. Истребители *RAF* и *Летающие Тигры*, потеряв 10 и 2 самолета соответственно, уничтожили около 50 бомбардировщиков и истребителей противника, но не смогли предотвратить прорыв японцев к городу. Эффект, который бомбардировка произвела на индийских рабочих, был катастрофическим, и после этого становилось все труднее управлять работой порта и поддерживать жизнь в городе.



Индийские беженцы покидают Бирму...

Я прибыл в Рангун 9 января 1942 года и сразу же отправился на совещание с генералом Хаттоном, с которым ранее не встречался. Хаттон дал мне ясное и, как оказалось, абсолютное верное представление о сложившемся положении. Основная угроза исходила со стороны Рахенга по направлению Кавкареик/*Kawkaareik* - Паан/*Paan* (*также Phaан - ВК*) - Киаикто/*Kyaikto* – Ситтанг/*Sittang*. Чтобы заблокировать продвижение японцев, 16-я Индийская Бригада Джона Джоунса (*John K. Jones, 1892-1967*) уже была переброшена в Кавкареик. Бригадир Джоунс также получил приказ отправить одну роту Батальона 1/7 Гуркхских Стрелков/*Gurkha Rifles* вести наблюдение за горным проходом *Three Pagoda* [на границе Бирмы и Таиланда], по которому проходила активно используемая дорога к востоку от Йе/Үе, соединявшая Бангкок и Моулмейн. 16-я Бригада только что прибыла в Бирму. Ее командир, крепкий и надежный солдат Индийской Армии, сообщил, что он принял командование всего за несколько дней до погрузки на суда. Его три батальона были *ободраны до нитки* для отправки подкреплений на другие ТВД и были доукомплектованы новичками-рекрутами за три дня до отправки за моря. Это были совершенно неподготовленные солдаты, не имевшие никакого опыта боевых действий в джунглях.

2-я Бирманская Бригада Артура Бурка (*Arthur Bourke, 1897-1986*) состояла из батальонов Бирманских Стрелков и Батальона 4/12 Пограничников/*Frontier Rifle*, переведенного из подчинения 16-й Бригаде. Она была растянута в секторе длиной более 300 миль по

покрытой джунглями местности и несла ответственность за оборону аэродромов в Мергуи и Тавое.

Существовало еще одно возможное направление вторжения на севере от Папуна/Papun до Ситтанга, поэтому территория, за которую я отвечал, протягивалась от Папуна на севере до Мергуи на юге и на восток до Рахенга и прохода *Three Pagoda*. Это была колоссальная по площади область, по большей части, с очень редкой дорожной сетью, раскинувшаяся по полосе местности длиной 500 или 800 миль, в зависимости от того, как проводить измерения. Для ее обороны в то время я располагал всего двумя бригадами: 16-й Индийской и 2-й Бирманской, хотя ожидалось, что моя 46-я Бригада прибудет в Рангун через несколько дней. Чтобы предотвратить какое-либо наступление японцев с северо-востока, очень слабая 1-я Бирманская Дивизия генерала Брюса Скотта (Bruce Scott, 1892-1974) была дислоцирована в провинции (*ныне штат – ВК*) Шан.

Поскольку у командующего [Бирманской] Армией не было частей, обслуживающих транспортные коммуникации, мне пришлось взять на себя ответственность и за протяженные пути, идущие от Моулмейна на севере к Билину/Bilin и Ситтангу. Прежде всего, имелся довольно древний пароход, работавший на паромной переправе длиной около 7 000 ярдов между Моулмейном и Мартабаном/Martaban. От тупика в Мартабане хорошая дорога с покрытием из щебня и одноколейка уходили назад в Тхатон/Thaton, через реку Билин к Киаикто, но от Киаикто до Ситтанга шла всего лишь грунтовка, покрытая слоем пыли толщиной почти в фут. Она подходила к большому железнодорожному мосту через Ситтанг, который был вымощен досками, чтобы обеспечить проезд прочему транспорту. Там был также паром, медленный, но довольно полезный. Ситтанг был серьезным препятствием, лежавшим на пути японцев к Рангуну, – единственным реальным препятствием на всем ТВД. Мост через Ситтанг, таким образом, имел важнейшее значение для нас и для японцев. Последние могли разбомбить и разрушить его в любое время, но им он был нужен так же, как и нам. Мы выделили столько сил, сколько могли себе позволить, для его защиты от непредвиденной атаки, и армейские саперы подготовили его к взрыву.

На западном берегу Ситтанга начиналась полоса открытой местности, пригодная для операций, к которым мои войска были подготовлены. На самом деле, это была единственная территория, на которой так называемая 17-я Дивизия могла сражаться с японцами в чем-то на равных. Однако она находилась всего лишь в 100 милях от Рангуна.



Японцы наступают...

Японский 112-й Батальон пересек бирманскую границу 15 января, и его атака получила стремительное развитие в течение следующих нескольких дней. 19 января они заняли Тавой, разгромив гарнизон, состоявший из Бирманских Стрелков и батареи Бирманских Вспомогательных сил/Burma Auxiliary Force. В результате гарнизон Мергуи оказался под угрозой изоляции и был эвакуирован по морю 20-23 января. Хотя операции в районе Тенассерина были незначительными по масштабам, их важность заключалась в том, что три аэродрома - Виктория Пойнт, Мергуи и Тавой – теперь были в руках японцев и могли быть использованы для базирования истребителей сопровождения бомбардировщиков, совершающих налеты на Рангун. 21-го стало очевидно, что японцы продвигаются большими силами на Кавкареик. Командующий [Бирманской] Армией ранее приказал бригадиру Джоунсу не ввязываться в бой настолько плотно, чтобы лишить себя возможности отступить, но это было легче сказать, чем сделать, потому что у него не было автотранспорта. После кошмарной по характеру операции, в которой были потеряны все имеющиеся транспортные средства и все тяжелое вооружение, 16-я Бригада прибыла в Моулмейн сильно потрепанной и нуждающейся в существенной реорганизации и переоснащении.

Общая тактика наступления японцев стала очевидной. Максимально используя свою мобильность, они раз за разом обходили наши позиции с флангов, после чего атаковали нас с тыла. Они применяли эту тактику на протяжении всей 1-й Бирманской кампании.



Карта боевых действий в Бирме в первой половине 1942 года

Приказ стоять насмерть

Однако я получил приказ стоять насмерть. Единственной опцией, которая была у меня, - это следовать плану вышестоящего командования, одновременно давая ему понять, что я с ним не согласен. И, само собой, я должен был увязать это с моим долгом - спасти дивизию от разгрома. Именно по этой причине я, без разрешения командования, сконцентрировал всю дивизию целиком за рекой Билин, которая в то время года представляла из себя всего лишь канаву.

26 января генерал-лейтенант [Сёдзиро Иида](#) (Shōjirō Iida), командующий японской 15-й Армией, приказал 55-й Дивизии захватить Моулмейн. Я полностью отдавал себе отчет в том, что захват этого имеющего важное значение города даст противнику еще один аэродром и окажет негативное воздействие на боевой дух всех находившихся в Бирме войск. Тем не менее удержать его было невозможно, если только вся дивизия не будет сражаться за него до последнего человека, а это было последним, чего хотел бы командующий [Бирманской] Армией. Из него было еще невозможно отступить, так как единственным путем была эвакуация на пароходе, курсировавшем через широкий залив Мартабан.

Я стоял за его оборону силами небольшого заслона, но получил приказ удерживать его «столь долго, сколько возможно силами одной бригады». Как бригадиры Роджер Экин (Roger Ekin, 1895-1990) и *Пэдди* Бурк вывели оттуда свои войска, я уже никогда не узнаю. После двух дней ожесточенных боев, в которых японцы понесли тяжелые потери, я должен был либо послать им подкрепления, либо приказать оставить город. Каким-то чудом и благодаря бездействию японской авиации они эвакуировались на речном пароходе под носом у японцев. Однако они потеряли 600 человек и большое количество техники и снаряжения.

Я к тому времени получил очень ценное подкрепление – 48-ю Бригаду Гуркхов из состава моей прежней 19-й Дивизии, находившейся в Секундерабаде/Secunderabad, в Индии. Об



этом я ранее просил командующего [Бирманской] Армией. Ими командовал бригадир Ноэл Хью-Джоунс (Noel Hugh-Jones, 1894-1952), они состояли из гуркхских батальонов 1/3, 1/4 и 2/5. Я также попросил командующего армией, прислать мне из Индии Дэвида Кауэна (David Tennant Cowan, 1896-1983, на фото слева в центре), старого друга и храброго боевого офицера, чтобы иметь под рукой резервного бригадира. Мне присылали различные части, теперь у меня были четыре бригады, и вскоре должна была прибыть одна бронетанковая, так что я был рад иметь при

себе Кауэна в качестве дополнения к моему штабу.

Просьбы разрешить отход отклонены

Японцы захватили Мартабан и были всюду и везде, просачиваясь между растянутыми и изолированными [оборонительными] позициями, которые мне приказали удерживать. Я чувствовал, что должен еще раз срочно обратиться к командующему [Бирманской] армией, чтобы моя дивизия не была разгромлена в котлах (penpu rockets), не достигнув той цели, которые он и генерал Уэйвелл желали достигнуть. В этой связи, 12 февраля я откомандировал Кауэна, который был полностью согласен со мной, в Рангун, чтобы он разъяснил мою позицию. В официальной истории можно прочесть следующее: «Смайт сказал ему [Кауэну] донести до Хаттона ту смертельную опасность, в которой оказалась 17-я Дивизия, и то, что она находится под угрозой быть отрезанной от моста через Ситтанг, убедить его в том, что дивизии можно дать разрешение на немедленный отход за реку Билин и что не должно быть задержек перед следующим шагом – отступлением за реку

Ситтанг. Я хотел переправиться через Ситтанг задолго до того, как японцы смогут перехватить меня.

Это послание было передано Кауэном Хаттону. На той, уже поздней стадии [развития событий], хотя я вел бои с двумя японскими дивизиями, я мог сделать это, и на другом берегу реки у меня была бы поддержка только что прибывшей [на фронт] бригады легких танков. Но семь дней спустя, когда дивизия все еще была связана ожесточенным боем в густых джунглях и крайне утомлена, карточный расклад был принципиально против нас. Неудивительно, что официальная история гласит следующее: «В виду исключительной важности переброски 17-й Дивизии через Ситтанг Хаттон мог бы проявить большую мудрость и, пока шли бои на Билине, предоставить Смайту право принимать решения.»

Какие катастрофические последствия не исходили бы от решения командующего армией оставить меня на Билине, я полностью отдавал себе отчет в том, какое давление на него оказывал Уэйвелл. Последний только что телеграфировал Хаттону: «Я полностью уверен в правильности суждений и боевому духе, свойственным вам и Смайту, но имейте в виду, что непрерывное отступление, как показало опыт Малайи, оказывает в максимальной степени разрушающее воздействие на боевой дух войск, особенно индийцев. Время часто можно выиграть столь же эффективно и за меньшую цену смелым контрударом. Это особенно касается боевых действий против японцев.» И в самом деле, Ява была очень далека от реки Ситтанг.

17-я Дивизия израсходовала все, что могла, на Билине и не уступила ни клочка земли японцам, но, по мере того, как давление на нее росло, в бой пришлось бросить все имеющиеся резервы, однако и в этом случае мы не могли предотвратить обходы наших флангов сильными отрядами противника. Стоит отметить, 48-я Бригада Гуркхов в своей первой стычке с противником особенно хорошо проявила себя в ближнем бою.

Отход к Ситтангу

Затем, 19-го, командующий [Бирманской] Армией прибыл к нам из Рангуна и дал мне разрешение на отход за Ситтанг. Это, конечно, было невозможно осуществить в дневное время, и надо отдать должное солдатам и офицерам за то, что они сумели оторваться от противника под покровом ночной темноты, когда от японцев их отделяло всего несколько ярдов.

Но самое трудное испытание было впереди – нужно было отступить на 30 миль. Последний отрезок этого пути проходил по пыльной дороге – других не было – под давлением [следующих по пятам] японцев и превосходящих сил вражеской авиации. Успешно проделать этот путь было бы почти чудом, и несмотря на то, что все было против них, они почти прошли его целиком. Измотанные люди не останавливались всю ночь с 19-го на 20-е, весь день 20-го и еще значительную часть следующей ночи. Бригады сменяли друг друга в арьергарде, существенно задерживая продвижение японцев, и к утру 21-го мы оторвались от 33-й Дивизии на значительное расстояние. Однако мой начальник штаба был обеспокоен сообщения о том, что японцы обходят нас на флангах. В действительности, 215-й и 214-й японские полки так и сделали и на полной скорости продвигались по сельским дорогам, чтобы перехватить нас у Ситтанга.

В 05.00 21 февраля японский рейдерский отряд атаковал мой [ближний к авангарду] дивизионный штаб в Киаикто, но, вызвав лишь кое-какую неразбериху и истратив большое количество боеприпасов, они мало чего добились и ушли на рассвете. 21-е стало наиболее малоприятным и катастрофическим днем. Вот как он описан в официальной истории: «21-е было очень сухим и жарким днем, и нехватка воды добавила трудностей людям и [вьючным] животным. В течение дня колонны, идущие по главной дороге, и части, проходившие через каучуковую плантацию Боягий/Boyagui, были несколько раз атакованы бомбами и обстреляны с воздуха сначала японцами, а затем самолетами с

опознавательными знаками союзной авиации. В результате автомашины, включая санитарные фургоны, были сброшены на обочины или уничтожены, мулы, несущие на себе оружие и радиооборудование, разбежались и исчезли со своими грузами в джунглях, понесенные потери в людях были значительными.»

Вечером 21-го я основательно осмотрел оборонительные позиции у моста через Ситтанг. Находившиеся на них части были представлены группами людей из трех или четырех батальонов, которые мы могли позволить себе сформировать за счет тех, кто был в бою на передовой, в том числе, ротой Полка Герцога Веллингтонского/Duke of Wellington Regiment, которая только что прибыла в расположение дивизии.

Опасность высадки воздушного десанта

Офицер из армейского штаба прибыл с важными новостями. Во-первых, они получили сообщения о том, что с утром, с первыми лучами солнца, японцы могут высадить парашютистов на открытой местности к западу от реки, чтобы попытаться захватить мост с другого берега. Во-вторых, в Рангун прибыла 7-я Бронетанковая Бригада. Это разозлило меня еще больше, потому что 17-я Дивизия должна была быть уже за Ситтангом, готовой объединиться с ней для главного сражения и имеющей широкую речную преграду не в качестве врага, а в качестве союзника.

Всю ночь на другой берег постоянным потоком шли машины, пока на узком, только что устланном досками мосту не перевернулся грузовик, что вызвало двухчасовую задержку. Я стал торопить Батальон 1/4 гуркхов, чтобы они побыстрее перешли на другой берег и приготовились встретить парашютистов, и перебрался через мост сам со штабом бригады, после чего расположил там дивизионный штаб рядом с ним. Неожиданно до нас донеслась стрельба из джунглей к востоку от моста, и стало очевидно, что наши обороняющие мост части атакованы большими силами японцев. Их первая волна почти достигла въезда на мост, при этом, помимо других, были убиты или захвачены в плен медики и санитары, в том числе, мой врач, полковник Маккензи (K. P. MacKenzie, 1889-1968), с которым я разговаривал всего несколько минут назад. Если бы не проявили стойкость пограничники из Батальона 4/12 и рота Герцога Веллингтонского, мост мог оказаться в руках японцев.

Я бросил в контратаку Батальон 1/4 гуркхов, и противник отступил, но оставил сильную боевую группу между линией обороны плацдарма и частями 16-й и 46-й бригад. 3-й и 5-й батальоны гуркхов, часть бригады Хью-Джоунса, должны были вот-вот начать переход по мосту, но им снова пришлось вступить в ожесточенный бой. Весь день на восточном берегу шел ближний бой. Это была *собачья свалка* в джунглях, в которой бригады и батальоны распались на небольшие отряды. Оба бригадира, Джоунс и Экин, и их штабисты попали в серьезный переплет, но батальоны, особенно британский и индийский, дрались превосходно. Японцы вновь едва не смяли оборону моста, но она устояла.

Тем временем весь день приходили полные беспокойства запросы от командующего [Бирманской] Армией, который хотел, чтобы я встретился с ним на следующее утро на дороге Рангун-Пегу/Pegu. Я отдавал себе отчет в том, насколько важной может стать эта встреча, и что судьба Рангуна и Бирмы висит на волоске.

Мост взорван

Ближе ко времени наступления темноты бой стих. Я назначил Хью-Джоунса ответственным за оборону подходов к мосту, оставив с ним моего начальника штаба и в сопровождении бригадира Кауэна отправился в расположение дивизионного штаба, чтобы поесть и поспать несколько часов. Прежде чем уехать, я повторил Хью-Джоунсу свой приказ: ни при каких обстоятельствах мост, полностью подготовленный к подрыву находившимися в полной готовности саперами не должен попасть в руки японцев.

В 04.30 Кауэн разбудил меня, чтобы я переговорил с Хью-Джоунсом. Ночью давление на оборонявших мост усилилось. После консультаций с командирами батальонов 4/12 и 1/4 - оба были хладнокровными и способными офицерами, мнение которых я ценил, он проинформировал меня о том, что не может гарантировать удержание моста на срок более часа. Исходя из этого, он просил разрешения на подрыв. Решение, которое предстояло сделать, было кошмарным: я знал о том, что, если он будет взорван, две трети дивизии останутся отрезанными на дальней стороне реки, а если он не будет взорван, две японские дивизии смогут начать марш прямо на Рангун. Поскольку за консультацией обратились ко мне, ответственность лежала на мне, и я всегда принимал этот как должное. Каким бы горьким оно ни было, у меня был только один ответ: если мост невозможно удержать, он должен быть разрушен. Я отдал приказ взорвать мост немедленно, и он был разрушен в 05.30. Ни я, ни Кауэн не сомневались в том, что это было необходимо. Более того, несмотря на противоречия, которые всегда присутствовали при обсуждении этой операции, ни он, ни я никогда не видели причины менять свое мнение, хотя это сверлило мозг бригадиру Хью-Джоунсу до самой его смерти, наступившей слишком рано.

Как оказалось, это решение не повлекло за собой таких трагических последствий, какие могли бы иметь место, поскольку японские дивизии стали продвигаться вверх по течению, чтобы подготовить другую переправу вместо того, что приступить к зачистке левого берега реки от наших войск. Уже вскоре, при дневном свете, наши люди начали переправляться через реку вплавь или с помощью подручных средств. Тем не менее я еще не знал об этом, когда встретился с командующим [Бирманской] Армией, всеми старшими офицерами и гражданскими чиновниками, которые поджидали меня в назначенном месте для randevu.

Генерал Хаттон получил от меня неприятные и убийственные новости с похвальным хладнокровием, в самом деле, я никогда не видел его вышедшим из себя. Я сочувствовал ему, зная, какая тяжелая ответственность лежала на нем, потому что без еще двух дивизий или соединений, обученных ведению боевых действий в джунглях, ни один командующий не смог бы победить японцев в Бирме в 1942 году.

После катастрофы на Ситтанге в 17-й Дивизии осталось 3 484 пехотинца – примерно 41% штатной численности. Однако большая часть батальонов была сильно недоукомплектованной перед боями на Ситтанге, и фактические потери были существенно ниже, чем можно было ожидать, но артиллерия, автомашины и большая часть оружия были потеряны, и 17-я Дивизия на время прекратила существование как боевое соединение. Настоящей трагедией этой безрадостной небольшой кампании стало то, что главного сражения на единственном благоприятном для нас участке местности за широкой преградой, которую представлял из себя Ситтанг, так и не произошло.

Дивизионный и армейский штабы столкнулись с колоссальной проблемой, связанной с необходимостью заново одеть, оснастить и вооружить людей. 17-я Дивизия безо всякого вмешательства со стороны японцев отошла к Пегу для отдыха, переоснащения и реорганизации. Там к нам присоединилась 7-я Бронетанковая Бригада, состоявшая из батальонов 7-го Гусарского и 2-го Королевского танковых полков. Эта бригада станет важнейшим фактором боеспособности для генералов Слима и Александра на втором этапе этой кампании (см. воспоминания [танкиста Джеймса Палмера](#)).

Теперь было очевидно, что дни Рангуна сочтены, и командующий армией выдвинул план разрушения портовых сооружений, нефтехранилищ и всего остального. При этом, если бы они не проявили предусмотрительность и заблаговременно не заскладировали большой объем продовольствия, боеприпасов, бензина и других материалов, Бирманская Армия, вероятно, никогда бы не прорвалась в Индию.

Австралийское правительство, что было вполне объяснимо, категорически отказалось дать согласие на переброску своей 7-й Дивизии в Бирму, и единственным оказавшимся под

рукой подкреплением стали не полностью обученная 63-я Индийская Пехотная Бригада, Индийский Полк Полевой Артиллерии и три британских батальона. Их переброска в Рангун стала возможной благодаря блестящей победе *Летающих Тигров* и небольшого числа оставшихся в строю британских истребителей над группой из 170 японских бомбардировщиков и истребителей 25-26 февраля.

Реорганизация в верхнем эшелоне командования

Теперь я должен был отправляться в Индию на отдых и лечение, на чем настаивали врачи. Я передал командование 17-й Дивизии бригадиру Кауэну 2 марта и вылетел в Индию вместе с генералом Уэйвеллом через Лашио, где у него планировалось совещание с Чан Кайши. На следующий день мы вылетели в Калькутту, где генерал Александер, который направлялся в Бирму, чтобы сменить Хаттона на посту командующего Бирманской Армией, встретился в аэропорту с Уэйвеллом. Последний вернулся на пост главнокомандующего союзными силами в Индии и, конечно, взял под контроль и бирманские дела.

Александер прибыл в Рангун, преисполненный оптимизма, в результате чего едва не провел остаток войны в японском лагере для военнопленных. В своих воспоминаниях Слим написал об этом следующее: «Генерал Александр ускользнул из Рангуна по счастливому стечению обстоятельств. Все находившиеся британские войска и с ними генерал Александер и его штаб были бы уничтожены, если бы один из японских дивизионных командиров не стал в типичной [для японцев] манере следовать букве приказа. Приближаясь к городу с востока через холмы и джунгли, он получил приказ обойти его с севера и повернуть, чтобы атаковать его с западной стороны. Продвигаясь на запад севернее Рангуна, он оставил для прикрытия своего фланга сильный заслон на главной дороге, ведущей к Проме/Prome (160 миль к северо-западу от Рангуна). Этим он полностью заблокировал британцев, пытавшихся прорваться на север. Они несколько раз атаковали дорожный заслон, но японцы стойко оборонялись. Казалось, ничто не могло спасти британцев, которые были привязаны к дороге, необходимой для прохождения их автотранспорта, но, по счастью, японский командир снял заслон, чтобы вступить в Рангун с запада, как это было предусмотрено планом.

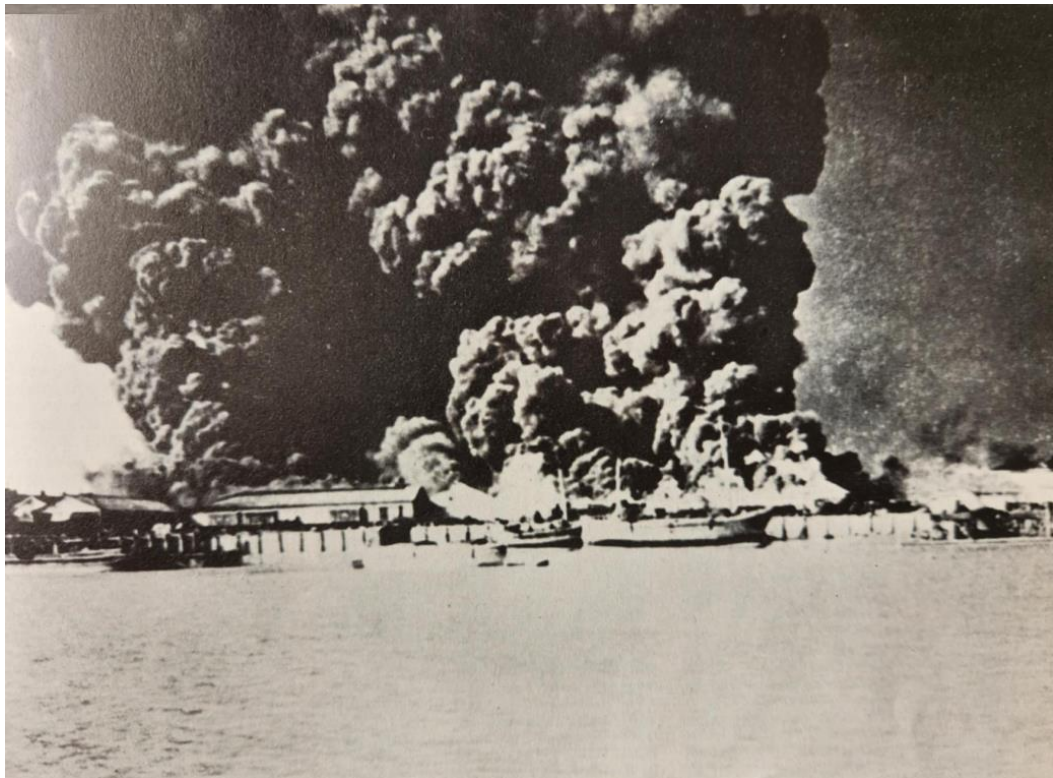
Японцы были убеждены в том, что британцы собираются оборонять Рангун. Вот что написано об этом в официальной истории: «Около полудня 8 марта 215-й Полк 33-й Дивизии вошел в Рангун, где обнаружил к своему удивлению, что город никем не оккупирован и оставлен. Командир дивизии, генерал [Сёдзо Сакураи](#) (Sakurai Shōzō, 1889-1985), немедленно приказал приступить к преследованию колонну противника, которая, как он ясно понимал, включала в себя все британские силы из района Рангуна. Но было поздно, и превосходная возможность разгромить британский гарнизон была упущена.»



Японцы вступают в Рангун...

Генерал Слим был назначен командующим так называемым *Бирманским Корпусом*, состоявшим из 7-й Бронетанковой Бригады, 1-й Бирманской Дивизии, 17-й Индийской Дивизии, (которая теперь включала в себя 63-ю Индийскую Бригаду) и большого числа армейских и транспортных частей и частей снабжения. Это давало генералу Александеру возможность руководить операциями британских и китайских войск как единой группировкой.

Тем временем генерал Хаттон запустил ранее разработанный план эвакуации для Рангуна, которая должна была начаться с гражданского населения, пациентов госпиталей и психиатрических лечебниц и гражданских заключенных. Почти все полицейские покинули город, и его захлестнула волна поджогов, что сильно затруднило выполнение плана эвакуации. Разрушение порта было осуществлено настолько это было возможно, и последние военнослужащие оставили горящий город. Три последних судна взяли курс на Калькутту, и в 19.30 7 марта город покинул последний поезд.



Снимок, сделанный с последнего буксира, покинувшего порт Рангуна...

Тем временем маршал авиации (генерал-лейтенант)/Air Marshal Доналд Стивенсон (Donald Stevenson, 1895-1964) осуществлял план вывода из [прифронтовой полосы] эскадрилий RAF. Около 3 000 человек были переброшены в Индию, а в Магве/Magwe было сформировано так называемое авиакрыло *Burwing* из 17-й Истребительной Эскадрильи, 45-й Бомбардировочной Эскадрильи, отряда из состава 28-й Эскадрильи (Армейской Поддержки/Army Co-operation) и эскадрильи *Летающих Тигров*. В Акьябе было сформировано еще одно небольшое авиакрыло – *Akwing*.

Отступление начинается

Британцы в Бирме теперь были, по сути дела, отрезаны от всякой помощи извне, поскольку лишь совсем небольшие подкрепления и грузы могли быть доставлены исключительно по воздуху, и сквозной дороги из Индии просто не было.

Пока шла перегруппировка сил союзников на линии Проме-Тоунгоо, проблема с китайскими дивизиями, вступающими в Бирму, встала в полный рост, так как в Бирму прибыл американский генерал [Джозеф Стилвелл](#) (Joseph Stilwell), прозванный *Уксусным Джо*, который должен был взять китайцев под свое начало. Чан Кайши хотел, чтобы он принял на себя командование также британскими войсками, поскольку потерял веру в британских генералов. Однако Стилвелл предпочитал, чтобы Александер остался в роли командующего, и с готовностью согласился служить под его началом, оставаясь командующим китайскими войсками в Бирме. С этого момента Александер и Стилвелл взаимодействовали, полагаясь друг на друга, до конца кампании, но система руководства китайскими дивизиями так и не достигла удовлетворительного уровня, поскольку все отдаваемые последним приказы должны были пройти через столько инстанций, что это вызывало фатальные задержки в исполнении срочно необходимых перемещений войск.

30 марта китайская 200-я Дивизия после оказания противнику в течение двух недель исключительно ожесточенного сопротивления [была вынуждена оставить Тоунгоо](#), взорвав мост через Ситтанг, по которому проходила дорога Тоунгоо - Мавчи/Mawchi -

Бавлаке/Bawlake. Японцы немедленно приступили к использованию этой дороги, которая вела вглубь возвышенности Карен и провинции Шан.

Тем временем на Иравадийском фронте последние самолеты *RAF* были вынуждены покинуть Магве и Акьяб. С этого момента *Бирманский Корпус* полностью лишился воздушной разведки, воздушного прикрытия и воздушной поддержки. Это вынудило наземные войска перемещаться по большей части в ночное время и днем прибегать к большому рассредоточению, но, хотя сначала настроение у людей сильно упало, вскоре они приспособились к новым условиям.

26 марта Слим получил срочное послание от командования Бирманской Армии с приказом провести отвлекающую операцию в районе Проме, чтобы ослабить давление на китайцев, оборонявших Тоунгоо. Он поставил эту задачу перед возглавляемой Кауэном 17-й Дивизией, приказав ей продвигаться в стороне от главной дороги и железной дороги, ведущих к Окпо/Окро. Дивизия вступила в бои на двух участках: один находился в районе Падигона/*Padigon*, второй в районе Паунгде/*Paungde*, после чего выяснилось, что японская боевая группа вступила в Шведаунг/*Shwedaung* за спиной атакующих британцев. Хотя Кауэну со временем удастся вывести свою дивизию [из намечающегося котла], попытка помочь китайцам привела к значительным потерям. Кроме большого числа автомашин, британцы лишились двух пушек и десяти танков, 21 офицера и 290 прочих чинов.

1 апреля Уэйвелл и Александер посетили расположение *Бирманского Корпуса* в Алланмио/*Allanmye*, где согласились на отвод корпуса из района Проме в район Тхайетмио/*Thayetmye* – Алланмио. Диспозиция 17-й дивизии в этот день была следующей: 63-я Бригада [командир – Элфред Барлоу (*Alfred Barlow*, 1896 – погиб 28.12.1945 в автокатастрофе)] в Проме, лежавшем в руинах после авианалета, 16-я Бригада (командир – Джон Джоунс) восточнее Проме, 48-я Бригада [(командир – Роналд Кэмерон (*Ronald. Cameron*, 1896-1968))] – близ Хвамзы/*Hwamza*, 7-я Бронетанковая Бригада в Тамаганке/*Tamagank*. Дальше к северу была дислоцирована 1-я Бирманская Дивизия: в Дайиндабо/*Dayindabo* 1-я Бирманская Бригада и в Алланмио 2-я Бирманская Бригада. Этой дивизии сильно не хватало снаряжения, артиллерии и боеприпасов, значительная часть ее личного состава была представлена бирманцами.

Отсутствие авиационной поддержки

Перебрасывая свои войска на мототранспорте из Шведаунга, японцы атаковали большими силами Проме в полночь 12 апреля, бросив в бой 215-й Полк. Около 03.00 Кауэн приказал 48-й и 3-й бригадам оторваться от противника до рассвета и отступить через позиции 16-й Бригады на новую линию обороны. 17-й Дивизии в этот момент приходилось очень нелегко: она была в бою всю ночь и большую часть дня, а апрель в Бирме – один из самых жарких месяцев. Было очень пыльно, питьевой воды было очень мало, кроме того, японские самолеты не давали обороняющимся перевести дух, безостановочно засыпая их бомбами и обстреливая. Несмотря на это британцы отступили успешно, в полном составе и в довольно хорошей форме.

3 апреля Слим, собрав *Бирманский Корпус*, выпустил инструкцию, в которой содержались его планы на будущее. Он не намеревался уступать противнику нефтяные прииски в Йенангьяунге/*Yenangyaung* и Чауке/*Chauk*, собирался оборонять северную Бирму и оставаться в контакте с 5-й Китайской Армией, ведущей операции в долине реки Ситтанг.

Отсутствие поддержки с воздуха создавало Бирманской Армии серьезные проблемы, как и то, что 17-я Дивизия находилась в боях уже три месяца безо всякого отдыха, не получая подкреплений. Однако Уэйвелл просто не располагал авиацией, чтобы выправить положение.

Японцы быстро воспользовались преимуществами, которые дал им захват Тоунгоо, и генерал Иида, командующий армией, 2 апреля переместил в этот город свой штаб. Он планировал перерезать Бирманскую Дорогу и, тем самым, наземный транспортный путь в Китай близ Лашио, а также, изолировав силы союзников в районе Мандалая/Mandalay, вынудить их вести бои, упершись спиной в Иравади. Генерал Александер принял решение занять оборону на линии Минхла/Minhla – Таунгдвингий/Taungdwingyi – Пьинмана/Pyinmana – Лоикав/Loikaw. *Бирманский Корпус* должен был удерживать 40-мильный сектор фронта, протягивающийся на восток вплоть до города Таунгдвингий, китайские дивизии должны были оборонять район города Лоикав. *Бирманский Корпус* теперь действовал в малонаселенной, очень сухой местности. Она отличалась волнистым рельефом, хотя местами была сильно расчленена и покрыта кустарниковой растительностью с небольшими рощами. Воды здесь было мало, и размещение войск приходилось увязывать с возможностями снабжения их ею. К ночи с 13 на 14 апреля *Бирманский Корпус* занял оборонительные позиции: 1-я Бирманская Дивизия – в районе Мьингун/Myingun – Саинггья/Sainggya – Йин Чаунг/Yin Chaung, 17-я Дивизия – в глубине позиций вдоль дороги Таунгдвингий, 2-я Бирманская Бригада – в Минхле.

Тем временем японцы атаковали повсюду в своей обычной, почти безрассудной манере. Во второй половине дня 16 апреля Слим отдал приказ взорвать [нефтехранилище в Йенангьяунге](#), и весь участок размещения складов с их миллионами галлонов сырой нефти превратился в море огня.

65-я Китайская Армия в это время входила в Бирму, а ее передовое соединение – 38-я Дивизия под командованием генерал-лейтенанта Сун Лиджена (Sun Li-jen, 1900-1990) – перешло в подчинение к Слиму по согласованию между Александером и Стилвеллом. На протяжении следующих пяти дней *Бирманский Корпус* и китайцы вели ожесточенные бои к югу от Мандалая, в то время как восточнее китайская 56-я Дивизия продвигалась через Хопонг/Норонг в направлении Лашио. Падение Лашио казалось только вопросом времени. Состояние, в котором находились китайские войска и малая численность сил, которые удалось собрать их командованию к югу от Мандалая, исключало возможность того, что они смогут удержать свои позиции на Иравади сколь-нибудь долгое время. В этих обстоятельствах Александер решил, что его основной задачей должна быть оборона Индии. Он уведомил об этом решении Слима 26 апреля, за день до этого проконсультировавшись со Стилвеллом.

Согласно принятому плану, *Бирманский Корпус* должен был после отступления через Иравади отойти к городу Калева/Kalewa. Проблема обслуживания техники была далеко от разрешения, но была проведена подготовка к прокладке примитивной дороги для автотранспорта через джунгли от Йеу/Yeu (*также Ye-U – ВК*) до Швегуина/Shweguina. На пути продвижения были размещены склады провианта, воды и бензина, дополнительные припасы были размещены в Швегуине.

Бирманская дорога перерезана японцами

Бирманский Корпус начал отступление без промедлений. Критической точкой был мост Ава/Ava через Иравади, по которому должна была переправиться через реку большая часть сил корпуса. Мосту угрожали две японские дивизии, и лишь благодаря контратакам 7-й Бронетанковой Бригады и 63-й и 48-й пехотных бригад переправа прошла без осложнений.

29 апреля Александер и Стилвелл встретились в Швебо/Shwebo, где узнали, что японцы взяли Лашио и перерезали Бирманскую Дорогу. 1-я Бирманская кампания вступала в финальную фазу. Штаб *Бирманского Корпуса* разместился в Будадине/Budalin на дороге Монива/Monywa – Йеу, когда его достигли ошеломляющие новости – японцы вышли к

Мониве. Их 215-й Полк, быстро продвигаясь от Паккоку/Раккоки вечером 30-го, занял этот город на следующий день.



Слева: японцы продвигаются по грунтовой дороге, справа – японцы перебираются через ручей по импровизированной переправе...

Мощь наносимого японцами удара и скорость их продвижения снова застала нас врасплох, поскольку потеря Монивы превратила организованный и укладывающийся в график отход в поспешное бегство, которое легко могло обернуться катастрофой. Пока *Бирманский Корпус* с трудом откатывался к индийской границе, остатки 5-й Китайской Армии отступили на север от Швебо. Штаб 5-й Армии вместе с частями 22-й и 96-й дивизий, преодолевая большие лишения, отошел по долине реки Хукаванг/Hukawang. Генерал Стилвелл оставался в Швебо до 1 мая, после чего был вынужден совершить пеший переход в Чиндуин/Chindwin и далее через горы в Импхал. 15 мая он и его отряд добрались до Ассама/Assam.



Слева: японцы поднимаются в атаку при поддержке пулеметного огня, справа сверху: японские солдаты несут 70-мм гаубицу в разобранном состоянии, справа внизу – 70-мм гаубицы в бою

Наступивший сезон дождей стал для *Бирманского Корпуса* и облегчением, и испытанием. Дожди принесли людям сильный дискомфорт и сделали дороги куда более труднопроходимыми, но они же полностью остановили японских преследователей. Вспоминает Слим: «В последний день отступления я наблюдал за арьергардом, марширующим в Индию. Все они, британцы, индийцы и гуркхи, были истощены и стали выглядеть словно огородные пугала. Однако, тащась за уцелевшими офицерами ничтожно малыми группами, они несли на себе оружие и сохраняли дисциплину. Может, они и смотрелись пугалами, но было видно, что это солдаты.»

После отступления

Суммируя итоги нашего катастрофического поражения, Слим отметил, какой ошибкой был отказ ввести [в Бирму] китайские армии, когда это было предложено в октябре 1941 года. Они сами по себе могли компенсировать численное превосходство японцев. Это, плюс к тому полная неадекватность нашей авиации, совершенное отсутствие должной подготовки и оснащения наземных войск по сравнению с крепкими, мобильными и brutальными японцами резко склонило баланс сил против нас.

За пять с половиной месяцев наши войска в Бирме отступили почти на 1 000 миль – это было самое долгое отступление в истории Британской Армии. Они потеряли 10 036 человек, из числа которых 3 670 были убиты и ранены, остальные попали в разряд пропавших без вести. Бирманские части потеряли 13 463 человека. Японцы, по их данным, потеряли 4 597 человек убитыми и ранеными. В воздухе союзники потеряли 116 самолетов, потери японцев были почти такими же.

Лишь с точки зрения качества командования британцы и военного лидерства сравнивались с японцами и, в действительности, превзошли их: генерал Александер и Слим были одними из лучших военачальников Второй Мировой войны. Наши дивизионные, бригадные и батальонные командиры были крепкими и превосходными солдатами, и едва ли какая-либо другая армия была лучше нас в этом отношении.

Слим с горечью писал о том, с каким паскудством *приветствовали* солдат в Индии по сравнению с тем, как встречали их в Англии после Дюнкерка. Вот что он вспоминал: «Они не ждали, что их встретят как героев, но они ждали, что их встретят как солдат, которые хоть и потерпели поражение, но никоим образом не покрыли себя позором. Они были истощены до крайности, измучены малярией и дизентерией и заслужили что-то большее, чем полное отсутствие внимания к себе или помощи, с которым были встречены.»

Сам Слим был полон решимости добиться того, что перед новым столкновением с японцами его люди были основательно обучены и полностью оснащены для боя и располагали превосходством в небе и средствами доставки войск и грузов по воздуху, чтобы не становиться жертвой обходных маневров японцев, бросавших через джунгли свои выживающие на подножном корму мобильные колонны,

Насколько же он был прав, и с каким успехом он претворил свои теории в жизнь два года спустя...

Источник

John Smyth. THE LONG RETREAT. The First Burma Campaign. Purnell's History Of The Second World War. Vol. 8



Джон Смайт (1893-1983) был участником ПМВ и в июне 1915 года, будучи лейтенантом 15-го Полка Людхианских Сикхов/Ludhian Sikhs, был награжден за проявленный героизм Крестом Виктории. После ПМВ он служил в Вазиристане (ныне Пакистан), участвовал в боевых действиях против местных воинственных племен и в 1920 году, уже в звании майора был награжден Военным Крестом за проявленные храбрость и лидерские качества. Стоит отметить, что он был первоклассным крикетистом и выступал за Команду Европейцев в крупных турнирах в 1923 году.

В 1923-1924 годах он учился в штабном колледже в Великобритании. Летом 1939 года он вернулся в Соединенное Королевство. В феврале 1940 года он был назначен на пост командира 42-й Дивизии, принимал участие в боевых действиях во Франции и эвакуировался со своими солдатами из Дюнкерка. Позднее он вернулся в Индию и после поражения британских войск в Бирме в 1942 году вышел в отставку в чине полковника и почетного бригадира.

После ВМВ он активно участвовал в политической жизни страны и в 1952-1966 годах был членом британского парламента. Он также писал книги и пьесы, выступал на радио. Двое его братьев также были заслуженными боевыми офицерами, а один из его сыновей, капитан Джон Лоренс Смайт, погиб 7 мая 1944 года [в боях под Кокимой](#)

https://en.wikipedia.org/wiki/Sir_John_Smyth,_1st_Baronet

Перевод и литературная обработка – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org